

© 2018 г. М.А. КИСЕЛЕВ, Я.А. ЛАЗАРЕВ

ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В «МАЛОЙ РОССИИ» НАКАНУНЕ ШВЕДСКОГО ВТОРЖЕНИЯ 1708 ГОДА

Статья посвящена военно-административным преобразованиям, проводившимся Петром I накануне шведского вторжения в «Малую Россию». Проблема рассматривается в контексте критики концепта «реформ 1707 года», предложенного Т.Г. Таировой-Яковлевой для объяснения измены гетмана И.С. Мазепы. По мнению авторов, выводы Таировой-Яковлевой об «ограничительном» характере «реформ 1707 года» не соответствуют реальным историческим событиям. Якобы радикальные для Гетманской Украины реформы являлись преобразованиями Белгородского разряда и Малороссийского военного округа. Эти преобразования были продиктованы военными потребностями и не ограничивали автономии Гетманской Украины.

This paper is devoted to the analysis of military-administrative transformations carried out on the eve of the Swedish invasion in the «Little Russia». The problem is considered in the context of criticism of the concept of «the reforms of 1707» proposed by Tatyana Tairova-Yakovleva in order to explain the betrayal of Hetman Ivan Mazepa. It is shown that Tairova-Yakovleva's conclusions about the «restrictive» nature of «the reforms of 1707» do not correspond to real historical events, and the allegedly «radical» reforms in the Hetmanate were nothing else, but the reform held in the Belgorod District and the Little Russia Military District. These transformations were necessitated by the military needs and did not limit the autonomy of the Hetmanate.

Ключевые слова: Т.Г. Таирова-Яковлева, Малая Россия, Гетманская Украина, реформы Петра I, И.С. Мазепа, Малороссийский приказ, Киевская губерния, Д.М. Голицын.

Keywords: Tatyana Tairova-Yakovleva, Little Russia, Hetmanate, reforms of Peter I, Ivan Mazepa, Little Russia office, Kiev Province, Dimitry Golitsyn.

В монографии А.В. Демкина «Внутренняя политика Екатерины I и Верховного тайного совета» (2011) содержится следующее утверждение: «После смерти в 1722 г. гетмана Ивана Скоропадского Петр I решил изменить способ управления Малороссией. Им была учреждена Малороссийская коллегия, в руках которой находилась гражданская власть, а Киевский губернатор осуществлял власть военную» [1. С. 194–195]. Как известно каждому историку, ознакомившемуся

Киселев Михаил Александрович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург).

Лазарев Яков Анатольевич – канд. ист. наук, научный сотрудник лаборатории эдиционной археологии Уральского федерального университета (г. Екатеринбург).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Украинские города в политической системе “Малой России” и казачья государственность: практики интеграции и дезинтеграции (вторая половина XVII в. – 60-е гг. XVIII в.)», договор № 15-31-01308/17.

с классической подборкой «источников малороссийской истории» Д.Н. Бантыш-Каменского, Малороссийская коллегия была учреждена указом Петра I от 29 апреля 1722 г., еще *при жизни* гетмана Скоропадского, каковой даже 3 мая 1722 г. подал императору челобитную, где фактически просил отменить указ о создании Малороссийской коллегии [2. Ч. II. С. 320]. Умер же гетман несколько месяцев спустя после учреждения данной коллегии – 3 июля 1722 г. Впрочем, Демкин не первый современный историк, «похоронивший» Скоропадского к моменту учреждения Малороссийской коллегии. Похожую операцию с гетманом проделал в 2003 г. А.Б. Каменский [3. С. 72].

Подобные фактические ошибки специалистов по российскому XVIII в. свидетельствуют, что история Украины данного периода не принадлежит к наиболее изученным и известным темам. Можно констатировать, что в современной российской исторической науке отсутствуют серьезные монографические работы по истории Украины в годы петровских реформ.

В определенной степени восполнить существующие пробелы российской историографии попыталась известный биограф гетмана И.С. Мазепы Т.Г. Таирова-Яковлева в монографии 2011 г. «Иван Мазепа и Российская империя».

В данной работе историк рассматривает широкий круг вопросов: взаимоотношения Мазепы со своим окружением и соратниками Петра I, внутренняя политика гетмана, дает социальный портрет казацкой старшины мазепинского времени, создает социо-психологический портрет своего главного героя, анализирует причины его измены. Таирова-Яковлева заявляет, что, «отказавшись от мифов, мы можем по-новому взглянуть на эпоху Мазепы [...] имевшую огромное (и далеко не всегда негативное) влияние на судьбы Восточной Европы» [4. С. 10]. По мысли историка, демифологизированная реконструкция «эпохи Мазепы» может быть создана через «рассмотрение отдельных, ключевых моментов отношений гетмана с Российской империей» [4. С. 11].

В концептуальном плане особое место в книге Таировой-Яковлевой занимает глава «Реформы 1707 года», раскрывающая «конфликт гетмана Ивана Мазепы и Российской империи». В начале главы Таирова-Яковлева ставит вопрос о взаимосвязи «“притеснений” со стороны российских властей при Мазепе» и петровских реформ 1720-х годов [4. С. 316]. По ее мнению, «нельзя утверждать, что именно поступок Мазепы (т.е. его переход к шведам) привел к Петровским реформам Украинского гетманства». К этой мысли историк присовокупляет следующее: «Сокращение автономии Украины совершенно естественно вписывалось в идею создания империи, с общими законами и структурами. Идею, которую Петр активно воплощал в жизнь в начале XVIII в., во многом следуя по пути своих предшественников» [4. С. 317].

Подобные заявления, не подкрепленные ссылками на соответствующие научные исследования или источники, нередки в данной монографии; они используются автором для нагнетания неприязни к петровской России. В то же время, даже если кратко рассмотреть подобные формулировки, может выясниться их несоответствие историческим реалиям. Так, прежде чем утверждать о наличии у Петра уже в начале XVIII в. некоей «идеи о создании империи, с общими законами и структурами», это нужно сперва доказать. Укажем, что Петр с конца 1680-х и до начала 1710-х годов уделял мало внимания своим функциям законодателя, так что у нас нет достаточных оснований экстраполировать образ Петра, создающего общие законы и «регулярные» структуры государственного управления в 1710–1720-е годы на начало XVIII в. [5. С. 60–65]. Кроме того, «регулярное» государство позднего Петра отнюдь не предполагало всеобщей унификации без учета

специфики управления окраинами, на что указывает помещенная в Генеральный регламент 1720 г. специальная глава «О разности всех провинций» [6. С. 496–497].

Необходимо учитывать и тот смысл, который вкладывался в понятие *империя* в России XVIII в. Данное понятие, когда оно использовалось по отношению к истории Российского государства до официального поднесения Петру I титула императора, прежде всего, являлось синонимом понятия «царство» [7]. Петровские преобразования послужили толчком для семантических трансформаций самовосприятия политической элиты и коронной администрации Российского государства по отношению к европейским народам и собственному населению южных и восточных земель. Отмеченные трансформации касались понимания степени *политичности* (цивилизованности) сравниваемых народов, а не утверждения некой имперской гомогенности. По этой причине у некоторых народов Российской империи (прежде всего, кочевников), несоответствовавших определенному уровню *политичности*, следовало искоренять «варварскую дикость» [8. С. 50–70]. Однако, это не касалось населения западных территорий государства – Прибалтийских губерний и «Малой России».

Укажем и на вопрос о «преемственности» для «идеи создания империи, с общими законами и структурами». Так, согласно наблюдениям В. Кивельсон об «имперском» мышлении в России XVII в., «московское общество было пронизано четкими и непреодолимыми различиями во всех направлениях [...] Для Московии такое разнообразие не только воспринималось как должное, но и считалось преимуществом» [9. С. 282]. Даже если у Петра I и была некая «унификаторская» идея, то едва ли ее можно было вывести из российского XVII в.

Тем не менее, Таирова-Яковлева позволяет себе не задаваться такими вопросами. Историк отрицает связь изменений в управлении Гетманской Украиной с «изменой» И.С. Мазепы: для нее изменения после 1708 г. стали результатом «унификаторской» логики «империи», жертвой которой ранее стал и Мазепа. Во всем была виновата «империя», которая начала свое наступление на гетмана И.С. Мазепу и автономию Гетманской Украины в 1707 г.

Прежде чем перейти к описанию этого наступления, Таирова-Яковлева дает краткую характеристику «структуры государственного строя Украинского гетманства» [4. С. 318] с его «демократическими законами» [4. С. 319]. Эта характеристика не может не вызвать ряд вопросов. Так, в отношении городов, обладавших жалованными грамотами (далее – ЖГ) на магдебургское право, историк замечает, что «подчинялись полковнику даже мещане крупных городов, находившихся на территории его полка, включая тех, которые имели Магдебургское право» [4. С. 318]. При этом Таирова-Яковлева снова не приводит никаких ссылок в подтверждение своего тезиса. Однако, с юридической точки зрения мещане городов с магдебургским правом были вне юрисдикции полковника, что специально оговаривалось в ЖГ. Например, мещане Переяславля еще по «привилеям» Сигизмунда III и Владислава IV судились «во всяких делах» только «на Ратуши, пред Майстратом» [10. С. 3], что было подтверждено 4 марта 1654 г. Алексеем Михайловичем после вхождения Переяславля в состав Московского государства [II. Т. III. С. 553]. В 1695 г. Петр I своей ЖГ указал, что в Переяславле «праву суда Майдебургского и волностям быть по прежнему». При этом особо оговаривалось, чтобы права города не нарушались «ни от кого из старшины и черны войска Запорожскаго, а особо от полковой старшины» [10. С. 5].

Конечно, как указывал Д.И. Багaley, некоторые города – Остер, Новгород-Северский, Мглин, Почеп – «с трудом отсталивали свою магдебургию, и были моменты, когда она в них совершенно замирала», в отличие от более

«сильных» Нежина, Стародуба, Чернигова, Переяславля [12. С. 30–31] и, конечно же, Киева. Однако и эти «сильные города» регулярно обращались к гетману с жалобами на нарушения их прав как простыми казаками, так и старшинами [13. С. 122–126; 14. С. 120–135]. Взаимоотношения между казачеством и мешанами городов с магдебургским правом иногда принимали характер противоборства и были далеки от той идеалистической картины существования «самоуправляющихся громад села и города» «демократичного» Украинского гетманства [4. С. 318]. Таким образом, автор демонстрирует явно искаженную картину «особенностей структуры государственного строя Украинского гетманства». Такое искажение занимает немаловажное место у Таировой-Яковлевой в доказательстве характера наступления «империи» в виде «реформ 1707 г.».

Описав особенности структуры Украинского гетманства, Таирова-Яковлева переходит к специфике управления Гетманской Украиной до «реформ 1707 года». Она указывает, что «украинские территории были в ведении Малороссийского приказа», компетенция которого «регулировалась статьями» [4. С. 320]. На этом описании функций и деятельности Малороссийского приказа (далее – МРП) у Таировой-Яковлевой исчерпано. Затем историк поясняет, что в «статьях» содержались «определенные условия», на которых Украинское гетманство входило в состав Российского государства. Исследователь отмечает, что старшина ожидала от царя исполнения «взятых им обязательств» и что «в заявлениях Мазепы и его сторонников четко проходит идея о нарушении царем взятых на себя обязательств» [4. С. 320]. Основываясь на таком тезисе, исследовательница ставит следующую проблему: «были ли эти заявления Мазепы и его сторонников пропагандой или же они имели под собой конкретные факты» [4. С. 321].

Анализируя данные высказывания Таировой-Яковлевой, мы вынуждены прийти к выводу, что за скобками ее краткого изложения остаются три очень важных проблемы: 1) не раскрыты полностью полномочия МРП и, шире, специфика положения царской администрации в «Малой России»; 2) кроме общих слов, не дано объяснения, в чем конкретно заключались обязанности российского царя по отношению к Гетманской Украине; 3) не уточнено, в чем конкретно видели «мазепинцы» нарушение своих прав.

Начнем с конца, так как Мазепа и его сторонники были заинтересованы наиболее полно указать на конкретные нарушения московским царем своих обязательств. 30 октября 1708 г. Мазепа послал свое известное «прелестное письмо» стародубскому полковнику И. Скоропадскому¹. В нем рисовалась картина, что «без жадного о том з нами согласия, зачала города Малороссийские в свою область отбирати, людей наших». Мазепа пояснял, что стоит относить к глаголу «отбирати». Он убеждал своего адресата, что в Стародубском, Черниговском, Нежинском полках по «вржойной своей хитрости» царское правительство измыслило «лживые причины, будто для обороны от наступления войск Шведских» к занятию своими войсками тех трех полков. Мазепа сообщал Скоропадскому, что царская администрация хотела казацкую элиту и всю Гетманскую Украину «вечне себе поработити». Дальше гетман раскрывает, кто скрывался за русскими «ратями». Ими являли войска А.Д. Меншикова и Д.М. Голицына [2. Ч. II. С. 173–174]. Таким образом, Мазепа видел в качестве главных нарушений некие секретные планы по уничтожению Войска Запорожского.

¹ У Т.Г. Таировой-Яковлевой это письмо превратилось в «универсал» [4. С. 320]. При этом она ошибочно дает ссылку на ч. I «Источников Малороссийской истории» Д.Н. Бантыш-Каменского вместо ч. II [4. С. 460. Прим. 1462].

Если Таирова-Яковлева еще в своих работах 2003–2006 гг. писала о неких планах о включении «значительной части Гетманской Украины в состав Российской империи на общих условиях», одним из которых являлась передача «из Малороссийского приказа в Разряд “города Киева и прочих Малороссийских городов”» [15. С. 56–57; 16. С. 51–53], то уже в анализируемой монографии 2011 г. она выявила, что «в 1707 году параллельно начали осуществляться четыре проекта-реформы Петра», которые имели «первостепенное значение для истории Украинского гетманства» [4. С. 322]. В результате, если Мазепа видел угрозу в неких «секретных планах», которые стали осуществляться к осени 1708 г., то Таирова-Яковлева обнаружила четыре реформы, о которых старый гетман не считал нужным упомянуть. Это были следующие реформы: «ведомственная реформа (перевод Малороссийского приказа в Разряд [sic! – М.К., Я.Л.]), областная реформа (создание губерний), создание из казаков “компаний” и передача военных крепостей в управление русскими» [4. С. 322]².

Таирова-Яковлева начинает описание «ведомственной реформы» с указов Петра I о передаче ряда «украинских» городов из ведения МРП в Разрядный приказ. Историк приводит следующие цитаты из указов от 29 января и 1 февраля 1707 г. (даются нами в сокращении): «Киев также и прочие замки в Черкасских городах, в которых наши воеводы, припишите к Белгороду [...] град Киев так и прочие замки в черкасских городех, в которых русские воеводы и иноземцы по отпуску из Малороссийского приказу приписать к Белгороду и взять тот город Киев с прочими замки черкасскими в Разряд», — после чего делает вывод: «Украинские города в административной системе управления объединялись с русским Белгородом» [4. С. 322]. Однако Петр I специально писал не просто о «городах», а о «замках» с «воеводами» в этих «городах»! Тем не менее, Таирова-Яковлева без каких-либо оговорок просто проигнорировала это петровское различие. Рассматривая «передачу» Киева, Чернигова, Нежина, Переяславля, Таирова-Яковлева подчеркивает, что «перечисленные города были “полковыми”, т.е. столицами соответствующих полков и резиденций полковников» [4. С. 325]. При этом, делая столь громкое заявление, Таирова-Яковлева даже не озаботилась вопросом: действительно ли все указанные города были «столицами полков»? Например, с 1669 г. Киев не был «полковым» городом, а резиденцией киевского полковника являлся город Козелец [14. С. 93].

Далее Таирова-Яковлева переходит от «городов» к центральным государственным учреждениям Российского государства. При описании передачи дел и подьячих Киевского повывтъя МРП в Разряд [4. С. 324–325], исследовательница подводит читателей к мысли о «переводе Малороссийского приказа в Разряд». В частности, она отмечает, что в 1707 г. не только «города», но и «все основные кадры Малороссийского приказа тоже передавались в Разряд» [4. С. 325]. При этом она даже не приводит данных об общей численности штата МРП, в связи с чем читателю ничего не остается как поверить автору, что это были «основные кадры». В результате описанных Таировой-Яковлевой действий состоялся «революционный ведомственный переворот 1707 года» [4. С. 325]. Общий вывод у историка по «ведомственной реформе», построенный в виде

² Позволим себе не останавливаться на военных аспектах «реформ 1707 года». Планы по созданию из «малороссийских» казаков так называемых компаний были детально разобраны К.А. Кочегаровым. Историк показал, что планы реформирования казачества сложились у Петра I довольно поздно, в 1707–1708 гг. В этих планах был заинтересован и сам Мазепа. Следовательно, преобразование реестра не могло являться причиной измены гетмана [17. С. 340–358]. Отчасти к таким выводам пришел украинский историк А.Г. Сокирко [18].

ответа на собственный вопрос, таков: «Что означала эта передача ведения ряда украинских городов из отдельного Малороссийского приказа, являвшегося частью Посольского приказа, в Разряд? Она означала превращение Украины из “иностранный”, т.е. автономного, государства в обычную провинцию России» [4. С. 325].

Вывод революционен. Однако, по нашему мнению, такой вывод стал возможен — как минимум — благодаря искажениям и подгонке понятий источников Таировой-Яковлевой под свою концепцию. Например, если более внимательно проанализировать факты, связанные с деятельностью МРП при Петре I, то выяснится следующее. Действительно, в 1707 г. МРП лишился *одного* своего повытья [19. С. 471]. Однако сам МРП не перестал существовать и продолжил выполнять свои оставшиеся функции. Так, в 1711 г. Скоропадскому было предписано «сергиевских жителей, которые при приходе ханском оной город отдали, и солдат его царского величества выдали», для примера другим «казнить из них тамо на Украине десятого человека з жребья, а досталных их всех з женами ж и з детьми» отправить для ссылки в Москву именно в «Приказ Малые России» [20. Т. XI. Вып. I. С. 497]. К.А. Софроненко, автор единственного монографического исследования по истории МРП, писала, что он существовал до 1722 г. [21. С. 176]. Правда, она свой вывод не привязывает к ссылкам на конкретные архивные материалы. Тем не менее, имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют утверждать, что МРП упоминался в качестве действующего государственного органа самое меньшее по 1718 г. [22. Ф. 229. Оп. 2. Д. 120. Л. 300об.].

Что касается приказных служителей, то из источников следует, что 7 мая 1707 г. были взяты «в Розряд из Малороссийского Приказа с киевским и других 5 городов повытьем подьячие: старый Иван Петров и молодые: Василий Мячковский и Кондрат Федоров». Их общий оклад составлял 205 руб. 26 коп. [23. Т. I. С. 332]. Однако эти трое подьячих отнюдь не составляли основные кадры МРП. В 1701 г. там было четыре старых подьячих и 14 средней статьи и молодых, не считая персонала «Малороссийского двора» в Москве [22. Ф. 363. Оп. 3. Д. 19. Л. 1—3]. По указу 1710 г. служителям МРП полагалось 843 руб. годового жалования [23. Т. III. Кн. I. С. 102]. К 1713 г. в штате МРП числилось семь подьячих разных статей, которым полагалось общее годовое жалованье в размере 436 руб. [23. Т. III. Кн. I. С. 195]. Основные кадры МРП продолжали служить на своем старом рабочем месте, а отнюдь не в Разряде.

Таким образом, вместо «передачи» в Разряд всего МРП в 1707 г. была только произведена передача одного повытья последнего — «киевского и других 5 городов». В связи с этим неудивительно, что ведь и в приказах Петра I от 29 января и 1 февраля 1707 г. не содержалось никаких указаний о «переводе Малороссийского приказа в Розряд». У Петра было написано о передаче из МРП в Разряд «Киева», а также прочих «замков в Черкасских городах, в которых наши воеводы». И здесь важно заметить, что Таирова-Яковлева по ходу рассуждений о петровских указах фактически заменила «замки», в которых еще должны были находиться на момент указа «воеводы» из МРП, на «украинские города». В результате передача «замков», где были «воеводы», превратилась в передачу под управление российской администрации территории гетманства. Подобная замена стала возможной лишь благодаря тому, что исследовательница, довольно слабо описав полномочия МРП, фактически проигнорировала специфику положения в «Малой России» российской администрации, особенно, в малороссийских городах. Однако, не зная исходной точки, сложно рассуждать об

итогах реформ. В связи с этим позволим себе более подробно остановиться на этой проблеме.

Присутствие царской администрации на территории «Малой России» было тесно связано с рядом городов, особенно обладавшими ЖГ на магдебургское право. До восстания Б. Хмельницкого 1648–1653 гг. «украинские» города Речи Посполитой делились на две группы: 1) привилегированные, имевшие ЖГ на магдебургское право; 2) непривилегированные, лишенные этого права. Важно отметить, что в польской юридической лексике XVI–XVII вв., касавшейся вопросов прав и обязанностей городских жителей, четко выделялись два понятия: «место» (*miasto*), т.е. территория проживания мещан [24. С. 373–378], и «замок» (*zamek*) – это, прежде всего, цитадель, которая находилась в ведомстве коронной администрации, обычно во главе со старостой, или владельческой администрации. В отношении «замков» мещане могли нести определенные повинности, в том числе тем или иным способом помогать «замковому уряду» в ремонте укреплений, а также платить сборы [25; 12. С. 10–11; 26. С. 178–186]. При этом городское самоуправление непривилегированных городов было крайне ограничено, а их мещане несли больший объем повинностей, в то время как привилегированные города были защищены ЖГ [11. Т. I. С. 78, 359–365].

Следует подчеркнуть, что ЖГ польских королей на магдебургское право, которые давались «месту нашему» и по которым мещане судились по «праву местскому», четко проводили разграничение «местского» самоуправления с коронной администрацией, располагавшейся в «замке» одного города [27. Т. IV–V].

К 1654 г. ситуация в регионе кардинально изменилась. Из городов «Малой России» и Киева полностью была изгнана польская коронная и владельческая администрация. В результате этого возникла ситуация своеобразного административного вакуума. Возможными претендентами на занятие места «замковой» администрации были гетман с полковой старшиной и московское правительство. В свою очередь, перед городами, обладавшими ЖГ от польских королей, встал вопрос о сохранении своих прав и привилегий.

Уже с первых лет гетманства Б. Хмельницкий покровительствовал городам. Это выражалось в выдаче оборонительных универсалов городам для пресечения злоупотреблений со стороны казаков и полковой старшины, а также освобождения от войсковых постоев и поборов [28. С. 180, 265, 290–291; 29. С. 74–75]. Полномочия гетмана по вмешательству в городское самоуправление были ограничены [30. С. 268; 31. С. 214]. При этом города с ЖГ начали играть важную роль в формировании полковой казацкой системы судопроизводства. Как отмечали Д.И. Багалеи и Д.П. Миллер, это было связано с неразвитостью судебных практик казачества Войска Запорожского [32. С. 67–69].

После утверждения Переяславских статей и принесения присяги в январе-феврале 1654 г. [11. Т. III. С. 534–543] в регионе появляется новая политическая сила в лице царской администрации. 30 января 1654 г. «на государеву службу в Киев» были назначены боярин и наместник ростовский кн. Ф.С. Куракин и боярин и наместник галицкий Ф.Ф. Волконский «для бережения от полских и литовских людей» [11. Т. III. С. 505–506, 522]. Уже 23 февраля 1654 г. они «со всеми ратными людьми и с нарядом» прибыли в Киев [33. Т. X. Стб. 351, 386].

Первыми на появление новой политической силы отреагировали переяславские мещане, пожаловавшие получить от царя подтверждения своих «магдебургий». Вероятно, для этого они испросили разрешения гетмана, подтвердившего их просьбу листом на имя Алексея Михайловича от 17 февраля 1654 г. [11. Т. III. С. 546–547].

4 марта они были удостоены ЖГ, в которой специально оговаривалось, что «своим прежним правам и вольностям» переяславским купцам разрешалось торговать свободно «безо всякие неволи во всем» [11. Т. III. С. 553]. Видимо, не удовлетворившись объемом подтвержденных прав и привилегий, переяславская делегация в конце марта выступила с новой челобитной от «всего места вашего царского величества Переяславского». Они просили, чтобы «права и привилеи» польских королей были подтверждены Алексеем Михайловичем, которые бы мещане «на веки имели». Кроме того, они жаловались на прежнюю польскую коронную замковую администрацию, отнявшую у них часть территории. Укажем, что связка «место» — «замок» в челобитной была передана для московской администрации парой «посад» — «город» («через розных панов и старост переяславских от посада до города отнято и отворочено было») [33. Т. X. Стб. 515–518]. Челобитная была поддержана гетманом [11. Т. III. С. 546–547]. 4 апреля мещане Переяславля получили ЖГ с полным подтверждением своих прежних прав [33. Т. X. Стб. 533–534]. Ободренная успехом переяславская депутация подала 5 апреля еще одну челобитную. В ней они снова попросили, чтобы земли, «которые розными старостами нашими от города отняты были и к замку привернены, чтоб опять к городу належали». Кроме того, они желали получить «собинной привилей» для защиты от злоупотреблений любых военных командиров. 6 апреля переяславцам была выдана еще одна ЖГ, которая должна была защитить их от злоупотреблений «всяких чинов людей» [33. Т. X. Стб. 533–538]. Правда, царская администрация предпочла не поднимать вопрос о спорных земельных владениях. Таким образом, переяславские мещане апеллировали к царю как к своему суверену, который единственный имел право подтвердить их «магдебургии». Следовательно, московский царь фактически занимал место польского короля.

Стоит предположить, что киевские мещане, узнав об успехах переяславской депутации, также решили получить подтверждение своим правам. 3 мая 1654 г. они просили разрешения киевских воевод о пропуске до Москвы своей делегации во главе с киевским войтом Богданом Санковичем [33. Т. X. Стб. 605–606]. Перед организацией депутации киевские мещане заручились поддержкой гетмана Б. Хмельницкого, который 25 апреля дал грамоту с обращением к царю «пожаловати [...] права и привилея и волности их древние» [33. Т. X. Стб. 607–610; 11. Т. III. С. 573–574]. После прибытия 25 мая в Москву киевляне подали челобитную на имя Алексея Михайловича, а также список статей, в которых они описывали права и привилегии. Однако, московские бояре не удовлетворились пересказом киевлянами своих прав и привилегий и затребовали «привилеи» польских королей, что и было им предоставлено. Помимо подтверждения старых привилегий делегаты просили новых земельных пожалований к «граду». Во-первых, киевляне претендовали на 385 дворов, находившихся во владении казаков. Во-вторых, они просили о пожаловании мельницы «на речке Котыре», которая в то время находилась во владении киевского полковника. Киевляне получили подтверждение своих прежних привилегий. В отношении земель, занятых казаками, бояре отказали сразу же, что же касается мельницы, то боярский приговор был таков: «Как служба минет, тогда государев указ будет; а ныне, для службы, полковника оскорбить нельзя». В своих статьях, помимо прочего, киевляне указывали, что они давали «по вся годы воеводе киевском по 3000 золотых». И в этом вопросе бояре проявили принципиальность, приговорив «досмотреть привилей, и пошлыны имать на государя, розыскав подлинно, по чему наперед сего давано воеводе». В противном случае предполагалось, «пожаловав

отпустить, и о том отписать к боярам в Киев, велеть досмотреть привилей и розыскать про пошлыны подлинно, по чему имано на пред сего». Однако, и из этой спорной ситуации киевляне смогли выйти, показав выписку из приговора Владислава IV. Таким образом, сами мешане, в качестве компенсации за ЖГ, налагали на себя налог, который собирался еще в польские времена [33. Т.Х. Стб. 615–623, 625–644.].

Следуя примеру депутатий Киева и Переяславля в 1655 г. подтверждения своих ЖГ у московского правительства запросили мешане Чернигова и Козельца, получившие в итоге положительные ответы [34. С. 19; 20. С. 143–144; 33. Т. XIV. Стб. 782].

В связи с этим важно понять, как формировался статус российской администрации на территории присоединенных к Московскому государству земель Украины. Самым первым документом, регулировавшим эту проблему, был наказ воеводам Ф.С. Куракину и Ф.Ф. Волконскому, отправлявшимся в Киев, от 30 января 1654 г. [11. Т. III. С. 522–534]. Воеводам вменялось следующее: вести переписку с гетманом по военным вопросам, координировать с ним же свои действия, отслеживать изменения военно-политической ситуации в регионе, охранять внутренний порядок в крепости («городе») и окрестностях, контролировать взаимоотношения русских ратных людей с украинскими казаками и старшиной, чтобы «никакова задора не делали», в противном случае им следовало «чинить» следствие и «делать наказание без пощады»; иметь в крепостях хлебные и пороховые запасы, в том числе и на чрезвычайный случай. Также воеводам с местным «освященным собором» и войтом было поручено строительство и содержание крепостей в городе («городка» и «острожка»), где могли бы разместиться русские войска для защиты местного населения «от прихода воинских людей». Повинность по заготовке леса для возведения укреплений полагалось положить на мешан «сколько мочно по их мочи», а остальные работы были на «них, боярех и воеводах». Других полномочий в отношении киевских мешан наказ не давал. Окончательно функции воевод конституировала ЖГ Киеву от 16 июля 1654 г. По ней администраторы получали дополнительно полномочия по сбору упомянутого выше сбора в размере 3000 «золотых» [2. Ч. I. С. 75–82]. Сменивший в мае 1656 г. Ф.Ф. Волконского А.В. Бутурлин по обязанностям ничем особо не отличался от своих предшественников [33. Т. XV. Стб. 117–134].

Таким образом, русские воеводы юридически и физически заняли в Киеве место прежней польской «замковой» администрации. Однако полномочия российской «замковой» администрации по вмешательству в местное городское самоуправление, а также по введению новых сборов оказались гораздо уже, нежели у их польских предшественников.

Относительно политического поведения мешан Киева и Переяславля в 1654 г., Чернигова и Козельца в 1655 г. отметим своеобразную двойственность их положения. Гетман со своими полномочиями не мог подтверждать «магдебургий». Тем не менее, без его согласия делегации одних из наиболее сильных городских корпораций не решились обратиться к царю. Российский монарх, подтвердив ЖГ польских королей, выступил в роли суверена этих городов. Однако сами мешане должны были учитывать реальный баланс сил в регионе и стремиться поддерживать хорошие отношения и со структурами власти Войска Запорожского. Вероятно, эта двойственность сказалась на том, что пример переяславских и киевских мешан не стал сильным стимулом для большинства привилегированных городов. До первой половины 1660-х годов только мешане Чернигова и Козельца заявили о желании получить царские ЖГ.

Такое положение городов с царскими ЖГ на магдебургское право явно ставит под сомнение представления о «Малой России» как о политически гомогенном регионе, находившемся исключительно под властью гетмана и равном понятиям Гетманская Украина.

На наш взгляд, историческая область, вошедшая в состав Российского государства в 1654 г. как «Малая Россия», имела специфичную социально-политическую структуру. Исторически с момента вхождения в состав Российского государства территория под властью Войска Запорожского, персонифицированного гетманом, не совпадала с «Малой Россией». Однако, верхушка Войска Запорожского изначально обозначила претензии на политическую власть во всей «Малой России». Такому расширению власти мешали города, самоуправлявшиеся по магдебургскому праву, а также крепости с царской администрацией. При этом царская администрация имела заметные ограничения, как по территории пребывания, так и по властным полномочиям в регионе. Власть царских воевод не распространялась на структуры Войска Запорожского (Гетманскую Украину) и привилегированные города. Как это ни странно, Т.Г. Таирова-Яковлева, защитившая докторскую диссертацию по «социально-политической борьбе на Украине в 60-е годы XVII века» [35], не поняла специфики данного региона, создавая свою картину «Украинского гетманства», поглотившего всю территорию «Малой России».

К сожалению, цели и задачи данной статьи не позволяют подробно описать эволюцию статуса царской администрации в крепостях «Малой России», а также перипетии борьбы корпораций городов, обладавших «магдебургиями», с гетманами и казацкой администрацией [36]. По этой причине мы только отметим, какого статуса в отношении привилегированных городов добились гетманы и перечислим основные функции царских воевод, находившихся в «замках» «Малой России».

После Б. Хмельницкого гетманы по отношению к городам с магдебургским правом смогли добиться только статуса своеобразного покровителя. Это выразилось в выдаче универсалов, дававших дополнительные гарантии сохранения прав, указанных в царских жалованных грамотах, на самоуправление, временный налоговый иммунитет, землевладения [37. С. 156–157, 300–301, 321, 342–343, 360–361, 495–497]. Дополнительно глава Войска Запорожского выступал в роли посредника при подтверждении прежних жалованных грамот царским правительством [38. С. 95–96; 39. С. 23–24]. Вероятно, в целях сохранения определенной лояльности городских корпораций гетманы предоставляли им дополнительные земельные пожалования, торговые привилегии, а также подписывали специальные оборонные универсалы, защищавшие города от злоупотреблений полковой верхушки и казаков [37. С. 62, 83, 148–149, 166, 297–298, 487–488, 526, 563–564, 641, 660–661].

В то же время, несмотря на наличие определенной опоры в лице самоуправлявшихся городов московское правительство было вынуждено отказаться от сбора ряда податей в царскую казну, жесткой регламентации размера реестра Войска Запорожского и расширения присутствия царской администрации в «малороссийских» городах. В результате этого права царя как суверена были существенно ограничены. Компетенция российских воевод в «малороссийских» городах была определена Московскими статьями 1665 г.: им было запрещено вмешиваться в местные суды, их судебная власть распространялась только на подчиненных им «ратным людям» [40. Т. 1. № 376. С. 614]. Детально обязанности воевод были расписаны в наказах. Например, по наказу нежинского воеводы

И.И. Ржевского от 15 июня 1665 г. в число его служебных обязанностей входила переписка с киевским воеводой по военным вопросам, охрана города, содержание в надлежащем порядке крепостных укреплений, составление «распросных речей» прибывших гонцов. Кроме этого, воеводе следовало «ласку и привет держать» с местными мещанами и казаками и не вмешиваться в местное судопроизводство. При возникавших конфликтных ситуациях с местными населением, в которых русские ратные люди выступали как потерпевшая сторона, следовало жаловаться местному полковнику. Если же последний не начинал следствие, то необходимо было писать киевскому воеводе [33. Т. V. С. 294–299]. Таким образом, юрисдикция воеводы распространялась по преимуществу на вопросы военного и дипломатического характера, а также «великороссийских» людей, не затрагивая мещанского и казацкого самоуправления.

К рубежу XVII – XVIII вв. российские воеводы назначались в Киев, Нежин, Чернигов, Переяславль. Назначение воевод шло из Разряда через МРП. Собственно, в ведении МРП в регионе находились крепости с «великороссийскими» гарнизонами. Кроме того, если говорить о других функциях МРП, приказ собирал сведения о положении в крае, контролировал некоторые доходы (в основном с «кружечных дворов»), вел переписку с другими приказами по вопросам ссылки изменников в Сибирь, получения пушнины на подарки гетману и старшине, а также денег и хлеба для «великороссийских» гарнизонов; вел всю переписку с гетманом [21. С. 65–148].

Важно отметить, что с позиции оперативности военного управления существовал заметный недостаток в системе взаимоотношений через МРП с воеводами на Гетманской Украине. В частности, как отмечает О.В. Новохатко, в 1676–1677 г. при подготовке к обороне Чигирина возникла следующая административная сложность: Чигирин был в ведении МРП, а служилые люди – в Разрядном приказе. Из-за этого оба приказа должны были координировать свою деятельность. При этом переписка между приказами не всегда отличалась большой скоростью. Например, 8 февраля 1677 г. из Севска воеводы требовали «от Разряда, чтобы в приказе Малой России был учинен указ». Через неделю «отписки» севских воевод была доставлена в Москву в Разряд, где в тот же день было направлено «соответствующее распоряжение в приказ Малой России». Ответ же в Разряд был направлен только «через три недели, 6 марта» [41. С. 147–149]. Эти наблюдения подтверждает К.А. Софроненко [21. С. 76]. Подобная жесткая привязка к управленческой схеме «воевода – МРП – Разряд – воевода» при принятии ответственных решений несомненно снижала оперативность управления. Этот недостаток ощущался, когда нужно было, и на Гетманской Украине. Сам Мазепа, будучи посланником в Москве в марте 1679 г., сообщал думному дьяку Л. Лопухину, что для оперативности управления в регионе нужен один «большой воевода» [42. С. 207–208].

В 1700 г. на смену институту воевод в Киеве Петр I ввел должность губернатора. Первыми киевскими губернаторами были Г. фон Менгден (1700–1703) и А.А. Гулиц (1703–1706). Они по полномочиям практически ничем не отличались от своих предшественников – воевод, оставаясь в ведении Малороссийского приказа, через который осуществлялись их назначения. Подобно «последнему» киевскому воеводе князю П.И. Хованскому (1696–1700) Г. фон Менгден и А.А. Гулиц были главными для воевод Нежина, Чернигова, Переяславля, иногда определявшихся в источниках как «коменданты» [43. С. 303–306; 20. Т. V. С. 581–582; 22. Ф. 210. Киевский стол (повытье). Д. 39, 46]. Получалось, что крепости нескольких городов представляли собой своеобразные «островки»

царской военной администрации в «Малой России». Вслед за П.Н. Милоковым отметим, что эти крепости фактически образовывали особый Малороссийский военный округ [44. С. 259–260].

О структуре данного округа можно узнать из финансового отчета за 1701 г., поданного из МРП в Ближнюю канцелярию. Согласно документу, «в приказе Малыя Росии» были «ведомы города» Киев, Чернигов, Нежин, Переяславль, «на реке Самаре город Новобогородицкой» и «город Сергиевской». Если быть более точным, то в Киеве это был «верхней город земляной» и «большой город земляной», в Чернигове — «город верхний» и «острог соснового лесу», в Нежине и Переяславле — «город [...] земляной» [22. Ф. 396. Оп. 3. Д. 19. Л. 6об., 33, 37, 41]. Далее в тексте приводилась подробная информация о финансировании данных крепостей, благодаря чему можно реконструировать структуру «великороссийских» вооруженных сил Малороссийского военного округа. Самое крупное военное соединение находилось в Киеве. Под начальством «генерал маёора Юрья Андреева сына Фамендина» (Г. фон Мендена) было 163 рейтара (из них пять «начальных людей») во главе с майором И. Поздеевым, 474 солдат, 48 пушкаррей и 18 «начальных людей» под командованием полковника В. Фанзалена. «Денежное жалованье» данным «ратным людям» присылалось «с Москвы» из доходов Ратуши. Определенные «в Киеве на вечное житье» московские стрельцы составляли большинство: стольник и полковник И. Ушаков командовал полком из 551 стрельца и троих офицеров; стольник и полковник И. Скрыпицын начальствовал над 496 стрельцами и четырьмя офицерами; стольник и полковник М. Сухарев был поставлен над полком из 505 стрельцов и пяти офицеров. В отличие от остальных данные стрелецкие полки были «дачею его Великого государя жалованья не ведомы» в МРП. Их содержание осуществлялось из ресурсов Стрелецкого приказа [22. Ф. 396. Оп. 3. Д. 19. Л. 5–11].

По сравнению с Киевом гарнизоны остальных крепостей были заметно меньше. В «остроге» «верхнего города» Чернигова находилось 12 драгун, 111 солдат, три офицера под командованием полковника И. Станцеля. В Нежине гарнизон под командой полковника И. Минстремана состоял из 40 конных драгун, 330 солдат и 12 офицеров. При этом отметим, что нежинская крепость находилась в довольно плачевном состоянии: «По стене изнутри города и за городом вал и под башнями быки во многих местах от дождей осыпались и обвалились, потому что починки валу многие годы не было». В «земляной» крепости Переяславля располагался гарнизон под командой капитан Ю. Крефта из 244 солдат и пяти офицеров. Гарнизон Новобогородицкой крепости на р. Самаре управлял подполковник С. Шеншин. Он имел в своем распоряжении довольно пестрое воинство: двух офицеров, 19 «жилых салдат», 376 «московских сыльных стрельцов», 124 путивльских стрельцов из Севского разряда и даже пять «почтарей» [22. Ф. 396. Оп. 3. Д. 19. Л. 34–35, 37–38, 41об.—42, 46об.—47].

Сведения о назначении «ратных людей» в гарнизоны Малороссийского военного округа в начале XVIII в. можно найти в бумагах «Киевского повытья (стола)», в котором было сосредоточено делопроизводство по данным малороссийским крепостям. Как правило, военнотружущие назначались из городов Севского разряда. Оплата их службы шла из Ратуши через Малороссийский приказ, в некоторых случаях «ис тамошних доходов» [22. Ф. 210. Киевский стол (повытье). Д. 39. Л. 12об.—13, 14—20, 429—430, 551—552, 959].

Получалось, что военные ресурсы крепостей Малороссийского военного округа были невелики — чуть более 3000 «ратных людей»; значительная часть военнотружущих округа была сосредоточена в Киеве. При этом почти все

жалование на их содержание, а также пополнение людьми шло из «великороссийских» городов.

Собственные доходы Малороссийского военного округа были невелики. Единственными денежными поступлениями из «Малой России», за сбор которых отвечали воеводы, являлись: казенные кабаки в четырех крепостях, «мост» и «перевоз» через Днепр, сбор с киевской ратуши «вместо подвод и кормов» (всего около 3406 руб. в год). Этот доход оставался в регионе и тратился, как правило, на нужды гарнизонов и местного духовенства [22. Ф. 396. Оп. 3. Д. 19. Л. 10об., 45об.].

Таким образом, МРП к началу XVIII в. «ведал» «малороссийскими городами», под которыми понимались крепости, а не городские корпорации. За полстолетия, прошедшего с момента вхождения «Малой России» в состав Российского государства, статус воеводской царской администрации в данном регионе не претерпел заметных изменений по отношению к автономии Гетманской Украины и привилегированных городов. Сам Малороссийский военный округ обладал довольно ограниченными ресурсами на своей территории и практически полностью зависел от «великороссийских» регионов. Снабжение материальными ресурсами и пополнение гарнизонов организовывалось через непростую схему с участием различных центральных и региональных органов власти. Все это могло создавать определенные затруднения при принятии важных оперативных решений.

Скорей всего, слабость Малороссийского военного округа на фоне приближавшейся шведской армии послужила важным стимулом для создания в регионе крупного военно-территориального объединения, способного решать серьезные военные задачи. Как писал Петр I еще 15 марта 1706 г. Ф.А. Головину, «извольте осторожность иметь о Киеве, куда (как мы думаем) не без намерения неприятельского будет» [45. С. 277].

На наш взгляд, царское правительство имело, по крайней мере, два варианта организации обороны региона от шведской опасности. Первый вариант был обозначен в письме Петра I князю Д.М. Голицыну от 29 января 1707 г.: «Понеже вас сказано в Белгород, и ныне мы приказали вам ведать к Белугородскому розряду Киев и *все замки* (здесь и далее выделено нами. — М.К., Я.Л.) в Черкасских городех, в которых *Руския люди*». В связи с этим Голицыну следовало находиться в Киеве «и к будущему лету всякое приготовление учинить, и к нам писать, а имянно во управлении артиллерии и магазейнов». Схожим образом Петр I написал в тот же день главе Разряда Т.Н. Стрешневу: «Киев, также и протчия замки в Черкасских городех, в которых наши воеводы, припишете к Белугороду». При этом Петр I отмечал, что Голицын к весне должен быть в Киеве, «где много исправления требует». Монарх указал на ресурс для «исправления»: «Для того надлежит ему Белогородским розрядом то исправлять». Итак, Петр усиленно готовил «Малую Россию» к обороне. Именно для этого ему понадобилось «приписать» «малороссийские» крепости с российскими гарнизонами к Белгородскому розряду. Неслучайно Голицын сохранял чин воеводы до 1711 г., а «киевским» именовался только ради «чести места» [20. Т. V. С. 56, 107; Т. XI. Вып. I. С. 133].

Подобные действия были логичны: своих трудовых и финансовых ресурсов «малороссийские» крепости, кроме гарнизонов, не имели, в связи с чем пришлось бы обращаться к соседнему белгородскому воеводе и тратить драгоценное время на переписку, а также возможные ведомственные конфликты.

Однако следует обратить внимание еще на один документ — собственноручные черновые «пункты» Петра I гетману И.С. Мазепе, датируемые 25 апреля

1707 г. В третьем пункте этого документа было написано, что «Севскому розряду надлежит быть при гетмане всему, также и офицеров несколько прислано будет» [20. Т. V. С. 189]. По нашему мнению, уточнение относительно Севского разряда было сделано неслучайно. Во-первых, к этому времени И.С. Мазепе уже доводилось командовать силами данного разряда. Во-вторых, как мы отмечали выше, «ратные люди» Севского разряда, как правило, отбывали службу в крепостях Малороссийского военного округа. На этом основании можно предположить, что Петр I рассматривал Мазепу в качестве кандидата на пост главы крупного военного объединения, которое могло включать и «малороссийские», и «великороссийские» подразделения. К сожалению, не представляется возможным уточнить, в этой же редакции были переданы «пункты» гетману в Жолке или нет. Так или иначе, Петр I по невыясненным причинам решил все же придерживаться первого варианта. В результате «замки» Малороссийского военного округа вошли в состав объединенного Белгородского разряда с центром в Киеве. Как показывают документы, глава этого объединенного разряда занимался исключительно вопросами обороны края от угроз со стороны шведской армии и повстанцев К. Булавина, а не реализацией неких «реформ», о которых пишет Т.Г. Таирова-Яковлева [46. С. 247, 347; 20. Т. VII. Вып. 1. С. 81, 153, 155; 47. С. 95–102].

В связи с этим следует признать полностью несостоятельным вывод Таировой-Яковлевой о том, что в ходе «ведомственной» реформы 1707 г. «украинские города в административной системе управления объединялись с русским Белгородом», а «список передаваемых городов показывает, что речь шла обо всем Украинском гетманстве». Территории «Украинского гетманства» эта реформа не затрагивала. В Разряд и «ведомство» Д.М. Голицына были переданы лишь крепости, в которых находились царские воеводы с гарнизонами.

Т.Г. Таирова-Яковлева не остановилась на достигнутом ей «революционном ведомственном перевороте 1707 г.» и продолжила свое повествование об «ограничении» автономии Гетманской Украины, которая по ее логике должна была затем пострадать в ходе «масштабной областной (губернской) реформы, затрагивавшей всю Россию, не исключая Украинское гетманство» [4. С. 325].

Историк, рассматривая начало реформы, пишет, что «18 декабря 1707 года Петр дал указ Ближней канцелярии расписать города к Азову, Архангельску, Казани, Киеву и Смоленску, Москве, Смоленску [sic!] и т.д. ... Сразу после этого, в конце декабря, киевский губернатор Д.М. Голицын предоставил роспись городов Киевской губернии. Окончательное утверждение росписей было сделано Петром уже в феврале 1709 года» [4. С. 327]. Помимо прочего, в этом утверждении примечательна та легкость, с которой историк превратила *киевского воеводу* Д.М. Голицына в *киевского губернатора*, каковым он официально стал только в 1711 г. [20. Т. XI. Вып. 1. С. 133].

Рассматривая роспись будущей Киевской губернии, составленной в начале 1708 г., Таирова-Яковлева приводит относительно подробный список «городов», которые «должны были входить в Киевскую губернию» [4. С. 327]. При этом к территории Гетманской Украины могли быть отнесены только Киев, Нежин, Чернигов, Переяславль и три крепости по р. Самара. Остальные города относились к территории Белгородского и Севского разрядов [4. С. 327]. На основании таких данных историк пришла к следующему выводу: «Совершенно очевидно, что при составлении гранич губерний принимался во внимание только фактор отдаленности от того или иного губернского центра. Старые административные границы Украинского гетманства вообще не учитывались» [4. С. 328]. Тем

не менее, бесспорен следующий факт: в «рописи» Киевской губернии отсутствовали такие города Гетманской Украины как Стародуб, Миргород, Прилуки, Почеп, Козелец, Мглин, Полтава и другие и присутствовали «города», в которых крепости находились под властью великороссийских воевод. Сам принцип такого отбора вполне очевиден: в состав Киевской губернии можно было включить только те территории, которые находились под управлением «великороссийской» администрации. Значит, при планировании, а также дальнейшем проведении первой губернской реформы были полностью учтены старые административные границы Гетманской Украины [48. С. 141–143; 49. С. 215–216].

Завершив повествование о губернской реформе, Таирова-Яковлева делает следующее заключение: «Киевский воевода не дополнил, а заменил фигуру Белгородского воеводы, т.е. ключевую административную фигуру, на протяжении десятилетий осуществлявшую функцию буфера между пограничными российскими и украинскими территориями. По сути, реформа 1707 года положила конец существованию старого Малороссийского приказа и подготовила почву для создания Малороссийской коллегии [...] реформы 1707 года были ступенью для фактической ликвидации украинской автономии» [4. С. 328]. Стоит только догадываться, каким образом «воевода» осуществлял функцию «буфера» (между какими враждующими сторонами?). Не менее абсурдна постулируемая связь между реформой Малороссийского приказа 1707 г. и созданием Малороссийской коллегии, ведь крепости, взятые из ведения приказа, в итоге оказались под управлением киевского губернатора, и Малороссийская коллегия никакого касательства до них не имела.

Дальнейшие рассуждения Таировой-Яковлевой демонстрируют схожий уровень доказательной базы. Так, она утверждает, что «полномочия Д.М. Голицына четко не оговаривались, но во многом уже дублировали гетмана» [4. С. 328]. Это «многое» иллюстрируется тремя случаями, первые два из которых относятся к строительству Киево-Печерской крепости.

Таирова-Яковлева цитирует два указа Петра I от 2 и 11 мая 1707 г. Д.М. Голицыну. Согласно первому указу Голицыну, еще не приехавшему в Киев, следовало вместе с Мазепой «трудитца [...] обще во всем как возможно, особливо же исправлять те дела, которые до вас принадлежат». Во втором указе Петр, касаясь состояния работ по строительству Киево-Печерской крепости, отмечал, что гетман «обещал» прислать на ее строительство работников. Однако Голицыну следовало быть готовым к тому, что присланных работников «будет не довольно», в связи с чем киевский воевода должен был готов работников «взять с Украины, тех городов, которые у вас ведомы» и работу исполнять «по согласию» с гетманом [4. С. 328]. Для Таировой-Яковлевой эти указы демонстрируют «двоевластие». Однако, при этом она умалчивает об объекте этого «двоевластия». Это «двоевластие» было в отношении Гетманской Украины? Нет. Голицын мог полагаться только на добрую волю гетмана и рассчитывать только на территории собственного «ведомства». Получалось, что это «двоевластие» ограничивало полномочия Голицына, который должен был «что нужное, исправлять заранее по согласию с ним, господином гетманом».

Тем не менее, Таирова-Яковлева утверждает, что «со временем двоевластие все больше давало о себе знать» [4. С. 329]. Дабы проиллюстрировать это, она приводит письмо Д.М. Голицына от июня 1708 г., адресованное якобы Петру I, в котором киевский воевода жаловался на то, что И.С. Мазепа работников «прислал мало и оттягивал присылку остальных». По мнению историка, в этом письме Голицын, «чтобы повлиять на Мазепу», «просил у царя письма, которым

бы он мог шантажировать гетмана» [4. С. 329]. Читателю остается только гадать, почему Голицын просто не попросил у Петра отправить соответствующий указ Мазепе и предпочел этому игры с «шантажом».

Однако обращение непосредственно к источникам позволяет нам увидеть несколько иную картину. С ноября 1707 г. достройкой Киево-Печерской крепости руководил исключительно киевский воевода, т.е. для Д.М. Голицына отмеченное выше «двоевластие» прекратилось. Весной 1708 г. он докладывал Петру I о состоянии работ по укреплению Киево-Печерской крепости, что «нынешнего году земляной работы не доделано». Это киевский воевода объяснял тем, что «салдаты, которые ныне в Киеве, зело плохи и малое число, и без прибавки теми людьми управить невозможно». В связи с этим 7 мая 1708 г. Петр I отдал распоряжение И.С. Мазепе о посылке необходимого количества работников к строительству крепости [47. С. 95; 20. Т. VII. Вып. 2. С. 672]. Однако гетман не спешил выполнять царский указ. По этой причине Голицын отправил 29 июня 1708 г. большое донесение, адресованное главе российского внешнеполитического ведомства Г.И. Головкину, который для Таировой-Яковлевой почему-то превратился в Петра I. Из донесения следовало, что «от гетмана работников прислано 200 человек и в оных работниках упинаетца и пишет, будущее, что присланы будут». По этой причине Голицын просил: «Аще воля ваша будет, прикажи ко мне написать письмо и спросить: Печерская крепость делаетца ль и сколько работников от господина гетмана прислано, дабы я то *письмо мог показать гетману* (выделено нами. — М.К., Я.Л.). И чаю, что по оному вас, моего государя, письму работников вскоре пришлет» [46. С. 347–348]. Данное письмо отнюдь не изображает «двоевластие». Скорее, оно показывает полное безвластие Голицына в отношении гетмана. Он мог только прибегнуть к сложному обходному маневру, дабы получить работников, необходимых для подготовки обороны от шведского вторжения. При этом стоит помнить, что в это время для Мазепы план перехода на сторону Карла XII был вполне реальным и он мог банально заниматься саботажем.

Последний — третий — пример «вмешательства» Д.М. Голицына «в систему внутреннего управления Мазепой делами Украинского гетманства» касался оправданий И.С. Мазепы по поводу жалобы на него киевского воеводы. Согласно Таировой-Яковлевой, в одном из писем А.Д. Меншикову Мазепа писал, что Голицын «обвинял Мазепу в том, что жители Украинского гетманства недовольны якобы проведенным гетманом сбором денег на содержание сердюков и других “воинских людей”». Этот эпизод Таирова-Яковлева расценила как «первый шаг киевского воеводы на пути серьезного вмешательства во внутренние дела Украинского гетманства». К этому историк добавила, что «подобных случаев было немало» [4. С. 329], хотя и не дала никаких ссылок на это «немалое» количество «случаев».

Полный текст данного «оправдательного» письма Мазепы Таирова-Яковлева приводит в примечаниях к главе «Реформы 1707 года». При ознакомлении с ним возникают закономерные сомнения в интерпретации Таировой-Яковлевой. Мазепа писал, что 24 мая 1708 г. вместе с письмом А.Д. Меншикова получил и послание Д.М. Голицына. В нем киевский воевода извещал гетмана, что ему было подано чье-то «донесение». Его суть заключалась в том, что Мазепа собрал «многие тысячи» на «сердюков и на протчих рейменту моего воинских людей на определенное жаловане, которого им и по копейке не дано» [4. С. 462]. В связи с этим гетман подробно объяснял специфику сборов на эти воинские формирования и просил Меншикова не верить «непостоянных плутов ложным

донесениям» [4. С. 463]. В связи с этим остается непонятным, в каком месте письма Таирова-Яковлева увидела содержание «жалобы» Голицына.

Приведем итоговый вывод Таировой-Яковлевой: «В 1707 году Петром была инициирована и проведена многосторонняя реформа управления Украинским гетманством, которая сильно сокращала полномочия гетманской администрации и была шагом на пути уничтожения автономии. По сути дела, реальная власть по управлению городами во всех аспектах, включая военный, переходила к киевскому воеводе, а гетман становился номинальной фигурой» [4. С. 335]. Как было показано нами выше, «реальная власть» киевского воеводы была столь «велика», что он даже не мог по своей воле взять хотя бы одного работника с Гетманской Украины. Данные выводы Таировой-Яковлевой возможны лишь при условии, что в понятие «замки» включались и малороссийские мешанские общины с жалованными грамотами, Киев был столицей Киевского полка, Г.И. Головкин — Петром I, а неизвестный доноситель — Д.М. Голицыным и т.д. Если же «замки» были только крепостями, Козелец — столицей Киевского полка, а Г.И. Головкин и неизвестный доноситель — самими собой и т.д., то указанные выводы следует признать безосновательными.

Однако, если не было «реформ» по ограничению автономии Гетманской Украины, то какой характер имели административные изменения? В 1707 г. было произведено объединение Малороссийского военного округа с Белгородским разрядом. Это мероприятие было продиктовано потребностью создать эффективную военно-административную единицу для подготовки «Малой России» к обороне от шведского вторжения. При этом в качестве возможного главы этого объединения, вероятно, рассматривался и сам И.С. Мазепа.

Таким образом, выводы Т.Г. Таировой-Яковлевой об «ограничительном» характере «реформ 1707 года» следует признать надуманными и несоответствующим реальным историческим событиям. Выделенные нами ошибки в реконструкциях можно объяснить следующим образом. Таирова-Яковлева неверно изложила особенности «Украинского гетманства». В частности, историк включила в компетенцию казацких полковников города, обладавшие царскими жалованными грамотами на магдебургское право. В результате была полностью проигнорирована долгая и плодотворная борьба корпораций этих городов с казацкой администрацией за собственную автономию. Без учета этого едва ли возможно вести полноценные рассуждения о специфике социально-политических отношений в «Малой России», положении царской администрации в регионе и статусе Гетманской Украины.

Кроме того, Т.Г. Таирова-Яковлева заметно преувеличивает статус МРП, включая в его компетенцию все «украинские территории». При этом исследователь умалчивает в чем заключалась специфика управления «Украинским гетманством» через МРП, какова была структура данного учреждения. Свои рассуждения о Малороссийском приказе она, проигнорировав монографическое исследование К.А. Софроненко, построила на относительно небольшом источниковом материале. В результате историк не смогла описать специфику функционирования Малороссийского военного округа и допустила ошибочные выводы о сущности передачи крепостей данного округа в Разряд и «последствиях» такой передачи для Гетманской Украины.

Искажение полномочий Малороссийского приказа, а также неверное понимание военно-административных преобразований 1707 г. и первой губернской реформы привело Таирову-Яковлеву к созданию фантомного концепта «реформ 1707 года». Согласно ему, был «ликвидирован» МРП, а в состав Российского

государства передавалась «значительная часть Украинского гетманства». Далее, невнимательное прочтение источников по истории губернской реформы дало основание историку «материализовать» предполагаемую реформу в 1707–1708 гг. Это было использовано для обоснования тезисов о нарушении «старых административных границ Украинского гетманства», а также о появлении «великороссийского» администратора, чьи полномочия «четко не оговаривались, но во многом дублировали гетмана». Рассуждения Таировой-Яковлевой о «дублировании» киевским воеводой полномочий гетмана базируются на крайне спорных трактовках трех примеров из их взаимоотношений. Таким образом, «радикальные» для Гетманской Украины «реформы 1707 года» являлись, по существу, преобразованиями Белгородского разряда и Малороссийского военного округа. Они были продиктованы военными потребностями момента, а не «имперским» стремлением к ограничению автономии Гетманской Украины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Демкин А.В. Внутренняя политика Екатерины I и Верховного тайного совета. М., 2011.
2. Источники малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантыш-Каменским и изданные О. Бодянским. Ч. I–II. // Чтения в Императорском обществе истории и древности российских при Московском университете. 1858–1859. Кн. I.
3. Каменский А.Б. Центральное и местное управление и территориальное устройство в контексте реформ XVIII в. // Административно-территориальное устройство России: история и современность. М., 2003.
4. Таирова-Яковлева Т.Г. Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства». М., 2011.
5. Киселев М.А. Правда и закон во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: От монарха-судьи к монарху-законодателю // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. I.
6. Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. М.; Л., 1945. Т.I. Акты о высших государственных установлениях.
7. Агеева О.Г. Титул «императора» и понятие «империя» в России в первой четверти XVIII века // Мир истории (российский электронный журнал). 1999. № 5. URL: <http://www.historia.ru/1999/05/ageyeva.htm> (дата обращения к ресурсу: 06.11.2015).
8. Вульпиус Р. К семантике империи в России XVIII века: понятийное поле цивилизации // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. II.
9. Кивельсон В. Картография царства: Земля и ее значения в России XVII века. М., 2012.
10. Грамота Петра I 1695 г. жителям города Переяслава Южного на право магдебургское, вольности и земли // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1866. Кн. I. Генварь–Март. Отд. V.
11. Воссоединение Украины с Россией (1654–1954). М., 1953–1954. Т. I–III.
12. Багалея Д.И. Магдебургское право в левобережной Малороссии // Журнал министерства народного просвещения. 1892. № 3.
13. Доманова Г.С. Чернігівський магістрат: статус, структура та основні напрями діяльності (друга половина XVII – XVIII ст.): Дис... канд. іст. наук. Чернігів, 2006.
14. Утвенко В.В. Формування української фіскальної системи в добу Гетьманщини (друга половина XVII – початок XVIII ст.): Дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2005.
15. Яковлева Т.Г. Мазепа – гетман в поисках исторической объективности // Новая и новейшая история. 2003. № 4.
16. Таирова-Яковлева Т.Г. Гетманщина и ее инкорпорация в Российскую империю // Западные окраины Российской империи. М., 2006.
17. Кочегаров К.А. Спроби реформування військової організації городових полків // Українська держава другої половини XVII–XVIII ст.: політика, суспільство, культура. Київ, 2014.
18. Сокирко О.Г. Лицарі другого сорту. Наймане військо Лівобережної Гетьманщини 1669–1726 рр. Київ, 2006.
19. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1896. Кн. 10.
20. Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб.; М., 1908–1962. Т. V–XI.

21. *Софроненко К.А.* Малороссийский приказ Русского государства второй половины XVII — начала XVIII века. М., 1960.
22. Российский государственный архив древних актов, г. Москва.
23. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, изданные Императорскою академиею наук. СПб., 1880—1888. Т. I—III.
24. *Słownik XVI wieku.* Wrocław; Warszawa; Kraków, 1981. Т. XIII (M—Mieogouny).
25. *Антонович В.Б.* Предисловие // Архив Юго-Западной России. Киев, 1869. Т. I. Ч. V. Акты о городах (1432—1798).
26. *Каманин И.М.* Новая данная для истории киевского городского самоуправления в XVII в. // Сборник статей по истории права, посвященный М.Ф. Владимирскому-Буданову его учениками и почитателями. Киев, 1904.
27. Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1851—1853. Т. IV—V.
28. Документи Богдана Хмельницького (1648—1657). Київ, 1961.
29. *Каманин И.* Киевляне и Богдан Хмельницкий в их взаимоотношениях // Киевская старина. 1888. № 7.
30. *Білоус Н.* Київ наприкінці XV — у першій половині XVII століття (Міська влада і самоврядування). Київ, 2008.
31. *Кісіль І.М.* Соціально-економічне становище міщан Гетьманщини (друга половина XVII — друга половина XVIII ст.): Дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2006.
32. *Миллер Д.П.* Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии: суды земские, городские и подкоморские в XVIII в. // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1896. Т. VIII.
33. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1878—1892. Т. X—XV.
34. *Карпов Г.Ф.* Малороссийские города в эпоху соединения Малороссии с Великой Россией // Летопись занятий археографической комиссии. СПб., 1877. Вып. VI.
35. *Яковлева Т.Г.* Социально-политическая борьба на Украине в 60-е годы XVII века: внутренние и внешние факторы Руины. Дисс ... докт. ист. наук. СПб., 2004.
36. *Каманин И.М.* Последние годы самоуправления Киева по магдебургскому праву. Киев, 1888.
37. Універсали українських гетьманів від Івана Виговського до Івана Самойловича (1657—1687). Київ, Львів, 2004.
38. Генеральное следствие о маестностях Нежинского полка 1729—1730 г. // Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта Старой Малороссии. Чернигов, 1901. Вып. I.
39. *Щербина В.І.* Документи до історії Києва 1494—1835 рр. // Український археографічний збірник. Київ. 1926. Т. I.
40. Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб., 1830.
41. *Новохатко О.В.* Разряд в 185 году. М., 2007.
42. *Соловьев С.М.* Сочинения. В 18 кн. М., 1997. Кн. VII. Т. 13—14.
43. *Щербина В.* К истории воеводского правления в Киеве // Киевская старина. 1893. № 8.
44. *Миллюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905.
45. Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. СПб., 1884. Т. III.
46. Северная война 1700—1721 гг. К 300-летию Полтавской победы. Сборник документов. М., 2009. Т. I (1700—1709 гг.).
47. *Седов С.А.* Д.М. Голицын (1663—1737 гг.): государственная и общественно-политическая деятельность: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
48. *Лазарев Я.А.* Киевская губерния и Гетманская Украина в период первой и второй губернских реформ Петра I // Известия Уральского федерального университета. Серия 2 (Гуманитарные науки). 2012. № 2 (102).
49. *Лазарев Я.А.* «Ласковый телок двух маток сосет»: к вопросу о природе украинской государственности во второй половине XVII — первой трети XVIII вв. (в порядке дискуссии с Т. Чухлибом) // Исторический вестник. М., 2013. Т. 4 (151).